

Пожирающая небо тьма накрыла землю,
Демоны с Запада ступили на древний Асыноку.
Кемилия, милая Кемилия,
Почему ты дрожишь, а твое белоснежное платье в пятнах крови?
Почему ты плачешь, а твои лазурные глаза потускнели?
Отец взял длинный меч, чтобы сразиться с демонами,
Но больше не вернулся.
Мама спрятала меня под кроватью и велела не выходить,
Страшный смех и крики пронзили мои уши.
Вокруг бродят демоны,
Рыча, они ищут выживших.
Вскоре они добрались до этой хижины,
Кемилия была внутри.
Дверь открылась, дверь открылась,
Солнечный свет пробился сквозь тяжелые тучи,
Изысканный облик — так прекрасен и свят.
За спиной его длинный лук из ветвей горгоны,
Легким движением он пронзает сердце демона...

— Эй, Эйда, я всего лишь спустился за бочонком эля, а ты опять за свое! — В таверне под названием Пузырь и жаркое хозяин Джордж с грохотом опустил тяжелую деревянную бочку на стойку и заорал на сидевшего в углу парня с лирой, размахивая мощными ручищами. — Еще раз запоешь — выкину тебя из своего заведения! Разумеется, прежде чем ты отдашь долг за еду. Хотя, боюсь, после этого от тебя останутся только штаны!

Едва Джордж закончил, как кто-то из посетителей выкрикнул:

— Нет, Джордж, ты слишком добр! Нужно забрать у этого мальчишки даже штаны!

По таверне прокатился дружный смех. Сейчас было время обеда, и работяги заходили сюда пропустить по кружке дешевого разбавленного пива.

Эйда густо покраснел, дважды дернул струны и наконец сменил мелодию. Люди, услышав, что он заиграл что-то другое, притихли. В таких глухих городках бродячих певцов встречали

нечасто, и пока Эйда не пел то, что могло навлечь неприятности, его слушали с удовольствием.

Грешный клинок обагрился кровью Отца-бога,

Падший народ отринул свою кровь,

Невежество привело к гибели мира,

Боги пали, и грянула беда.

Черная чума свирепствует повсюду,

Потоки воды поглотили прибрежные деревни,

Земля треснула, открыв проход в преисподнюю,

Жаждающие крови демоны готовы вырваться вновь.

Отважные воины взялись за оружие,

Прорубаясь сквозь ядовитые тернии, уничтожая яростных зверей,

Они не боятся невзгод,

Лишь бы найти способ спасти свой народ.

Гнев богов наконец сменился милостью,

И они указали верный путь...

— Вот это другое дело, паршивец! — пробормотал Джордж, отложив грязную тряпку и вытирая руки. Он бросил взгляд на поднос с едой, стоявший на столике неподалеку. — Дай-ка посчитаю... Так, с тебя один серебряный и двадцать четыре медных. Ты правда не хочешь кружечку эля? Аромат солода снимет усталость с дороги.

Человек у стойки улыбнулся:

— Нет, спасибо. Дайте мне четыре белых хлебца и кружку молока. — Он выложил на стойку три серебряные монеты. — Сдачу отдайте тому юному певцу.

— О, Эйда будет тебе очень благодарен, ведь у него сейчас едва хватает денег даже на глоток воды, — весело сказал Джордж, забирая монеты. Он налил молока, поставил кружку на стойку и отправился за хлебом.

Родриго взял кружку и протянул ее следовавшему за ним ребенку.

— Род, я бы предпочла, чтобы ты забыл об этом, — девочка с темно-синими волосами, едва достававшая Родриго до пояса, нахмурившись, уставилась на молочно-белую жидкость.

Родриго протянул свободную руку и взъерошил ей волосы:

— Если не будешь пить, как же моя маленькая Цзяэрдия вырастет?

— Я же сказала, не смей трогать мои волосы! — Цзяэрдия прикрыла голову руками и сердито посмотрела на Родриго, но с досадой осознала, что из-за разницы в росте ей приходится задирать голову, чтобы встретиться взглядом с его насмешливой улыбкой.

Она уже знала, что он скажет.

— Ой, прости-прости, — как и ожидалось, в его извинениях не было ни капли искренности. — Ты так удобно стоишь.

Каждый спор из-за молока заканчивался тем, что Цзяэрдия признавала свое поражение перед фактами. Выйдя из таверны, Родриго вывел из конюшни лошадь и вместе с Цзяэрдией направился по дороге прочь от городка.

Городок расположился в восточной части Степи Четырех Ветров. Вокруг расстилались луга, напоминавшие зеленый бархат — совсем как море Хвельгельмир, в котором, согласно легендам, зародились боги. По степи бродили отары овец, чья белая шерсть казалась невероятно мягкой.

Видимо, вкус молока во рту был Цзяэрдии неприятен, потому что она всю дорогу хмурилась. Родриго похлопал лошадь по спине:

— Тия, хочешь, промчимся с ветерком?

У него были золотистые волосы и красивые голубые глаза, совсем как у рыцарей из песен бродячих певцов. Однако все рыцари служили Церкви, верили в бога Света и были овеяны священным сиянием. Поэтому никто, кроме самого Родриго, который упорно настаивал на этом, не считал его рыцарем.

— Тия, людям действительно нужна вера, но никто не обязан поклоняться тем богам, что сидят на высоких тронах.

Цзяэрдия слышала это от Родриго лишь однажды, но запомнила навсегда.

Лошадь пустилась в галоп. Цзяэрдия закрыла глаза, вдыхая сильный встречный ветер, словно он мог развеять тяжесть в ее душе. Почувствовав вибрацию грудной клетки Родриго за своей спиной, она открыла глаза:

— Род, ты чему улыбаешься?

Ветер ворвался ей в рот, заставив закашляться. Родриго свистнул, и лошадь замедлила бег,

перейдя на ленивый шаг.

— Маленькая Тия, ты в порядке? — Он с улыбкой похлопал ее по спине, дождавшись, пока она отдышится. — Так из-за чего ты дуешься?

Цзяэрдия промолчала, лишь сжала губы и устремила взгляд темно-синих, почти черных глаз вдаль. Родриго, казалось, не обращал внимания на ее дурное настроение; он просто спрыгнул с лошади и пошел дальше, ведя ее под уздцы.

Спустя долгое время Цзяэрдия спросила:

— Род, почему ты рассказал мне о моем происхождении?

Родриго пожал плечами и с преувеличенным удивлением возвел глаза к небу:

— Если бы я не сказал, поверила бы ты, что ты моя дочь? — Он указал на волосы девочки, а затем на свои.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я! — Цзяэрдия уставилась на него, но встретила лишь мягкий взгляд.

— Тия, не обращай внимания на то, что говорят другие, — Родриго обвел рукой бескрайнюю степь. — Мир так велик, никто не может видеть его насквозь. Просто верь в саму себя.

<http://bllate.org/book/19153/1880826>